

О. ГЕНРИ

(1862-1910)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

О.ГЕНРИ

Дары волхвов

Рассказы

Москва

2017

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-36

Перевод с английского

Разработка серийного оформления *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художника *Кларенса Фредерика Ундервуда*

О. Генри.

О-36 Дары волхвов : рассказы : [перевод с английского] / О. Генри. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 672 с. — (Зарубежная классика).

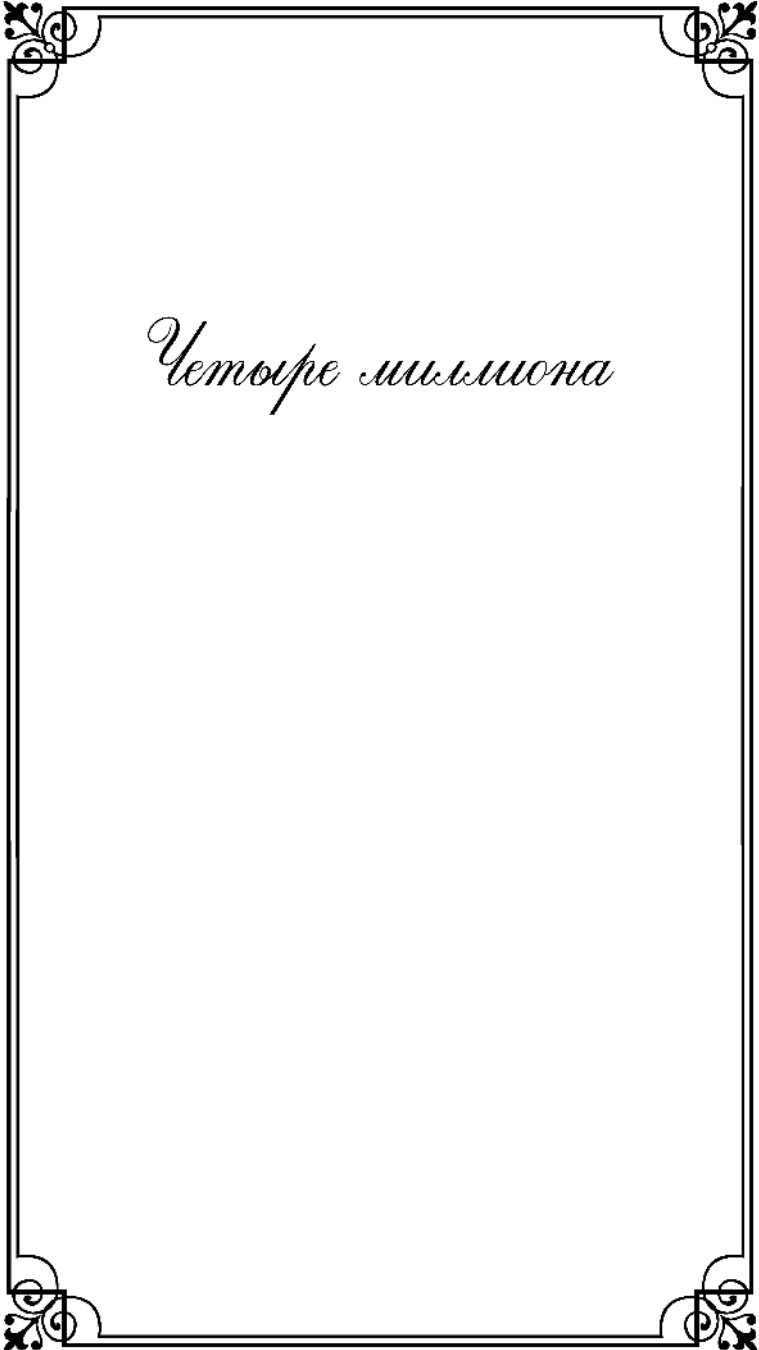
ISBN 978-5-699-82770-1

Банковский служащий Уильям Сидни Портер провел три года в тюрьме за растрату банковских средств, где, вдохновившись историями сокамерников, и написал свой первый рассказ под псевдонимом О. Генри, вскоре принесшим ему славу. Каждая новелла несправедливо романтика и самого блестящего рассказчика Америки — это меткий юмор, хлесткие диалоги и непредсказуемая развязка. В книге — лучшие рассказы О. Генри.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Беккер М., перевод. Наследники, 2017
© Бернштейн И., перевод. Наследники, 2017
© Беспалова Л., перевод. 2017
© Галь Н., перевод. Наследники, 2017
© Гальперина Р., перевод. Наследники, 2017
© Волжина Н., перевод. Наследник, 2017
© Гурова И., перевод. Наследники, 2017
© Дарузес Н., перевод. Наследники, 2017
© Дехтерева Н., перевод. Наследник, 2017
© Калашникова Е., перевод. Наследник, 2017
© М. Кан, перевод. Наследники, 2017
© Лорие М., перевод. Наследник, 2017
© Озерская Т., перевод. Наследники, 2017
© Чуковский К., перевод. Наследники, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-82770-1

Четыре миллиона

Элси в Нью-Йорке

ет, всезнающий читатель, это не продолжение серии «Элси»¹. Но если бы та Элси жила в нашем большом городе, в книге о ней могла бы быть глава, мало чем отличающаяся от этого рассказа. Ни для кого не расставлено на дорогах Манхэттена столько силков и ловушек, как для бездомной молодости. Но представители городских учреждений, опекающих молодежь, изучили эти злодейские капканы, и почти все опасные пути охраняются их часовыми, которые жаждут спасти неразумных от грозящей им гибели. Из этого рассказа вы узнаете, как они провели мою Элси целой и невредимой через все опасности к цели, к которой она стремилась.

Отец Элси был закройщиком в фирме «Фокс и Оттер, верхнее платье и меховые изделия» на Нижнем Бродвее. Он был стар, двигался медленно и на ходу прихрамывал, поэтому какой-то рекордсмен-шофер, только что получивший права, в один прекрасный день сшиб его с ног за неимением более интересного объекта. Старика привезли домой, где он и пролежал в постели год, а потом умер, оставив после себя два доллара пятьдесят центов наличными и письмо от мистера Оттера, в котором тот предлагал по мере сил помочь своему верному старому служащему. Старый закройщик считал это письмо ценным наследством для своей дочери и с гордостью передал его из рук в руки, перед тем как ножницы Великого Портного перерезали нить его жизни.

Домовладелец только того и ждал; он вышел из-за кулис и бойко провел свою роль в знаменитой сцене выселения. Никто не потрудился заготовить снежную метель, в которую Элси могла бы убежать, кутаясь в старую красную шаль; но она все же ушла из дому, игнорируя все три единства. А что касается красной шали, — кому она теперь нужна? Коричневое осеннее пальто Элси было из дешевого мате-

¹ Серия романов для юношества; автор их — Марта Финли (1828—1909).

риала, но по стилю и покрою не уступало лучшим творениям Фокса и Оттера. И ее счастливая звезда подарила ей красоту и глаза, голубые и невинные, как дамская почтовая бумага, и от двух долларов пятидесяти центов у нее оставался еще целый доллар. И письмо от мистера Оттера. Это ключ к рассказу. Я хочу, чтобы все было ясно с самого начала. Детективных рассказов написано так много, что они уже не находят сбыта.

И вот Элси, снаряженная, как описано выше, пускается в путь искать счастья. В письме мистера Оттера был один недостаток: в нем не значился адрес фирмы, которая с месяца назад переехала в новое помещение. Но Элси полагала, что сумеет найти ее. Она слышала, что полисмены, если вы обратитесь к ним вежливо или если следственная комиссия подвергнет их допросу с пристрастием, сообщают всякие сведения, в том числе адреса. Поэтому на углу Сто семьдесят седьмой улицы Элси села в трамвай и поехала на юг, до Сорок второй улицы, где, по ее мнению, остров кончался. Здесь она в нерешительности остановилась, потому что грохот и движение центральных улиц были ей внове. Там, где она жила до сих пор, был провинциальный Нью-Йорк, такая глушь, что по утрам молочники будили жителей скрипом колодцев, а не грохотом бидонов.

Симпатичный, загорелый молодой человек в мягкой шляпе прошел мимо Элси в здание Центрального вокзала. Это был Хэнк Росс с ранчо «Подсолнух» в штате Айдахо, возвращавшийся домой после вылазки на Восток. На сердце у Хэнка было тоскливо, ибо ранчо «Подсолнух» было скучноватым местечком, и ему не доставало присутствия женщины. Хэнк надеялся во время своей поездки встретить родственную душу, которая согласилась бы разделить с ним его дом и достаток, однако девушки Готама¹ пришлось ему не по вкусу. Но вот, подходя к вокзалу, он вдруг ощутил радостное волнение: он заметил милое наивное лицо Элси и тоску и неуверенность ее взгляда. С искренней, честной непосредственностью Запада он решил, что нашел свою подругу. Он чувствовал, что полюбит ее и окружит таким довольством, что она будет счастлива и вырастит на ранчо два подсолнуха там, где раньше рос один.

Хэнк повернулся и зашагал к Элси. Черпая спокойствие в своих благих намерениях, в которых еще никто никогда не сомневался, он подошел к ней и снял свою мягкую шляпу.

---

¹ Шутливое название Нью-Йорка; одноименная английская деревня увековечена в легенде о трех глупых готамских «мудрецах».

Элси едва успела окинуть его красивое, открытое лицо робким взглядом скромного восхищения, как громадный полисмен набросился на ранчмена, схватил его за шиворот и прижал к стене. За два квартала от них из большого дома выходил в эту минуту вор-взломщик с мешком столового серебра на плече; но это я только так, к слову пришлось.

— Вы что же, решили у меня под самым носом свои штучки проделывать? — заорал полисмен. — Я вам покажу, как приставать к незнакомым женщинам на моем участке. Идем.

Элси со вздохом отвернулась, чтобы не видеть, как уведут ее ковбоя. А ей понравились его голубые глаза на темном, загорелом лице. Она пошла к югу, считая, что уже находится в том районе, где работал когда-то ее отец, и надеясь встретить кого-нибудь, кто расскажет ей, как найти фирму «Фокс и Оттер».

Но так ли ей хотелось найти мистера Оттера? Она унаследовала от старого закройщика независимый характер. Насколько приятнее было бы найти работу, не прибегая к чужой помощи!

Элси увидела вывеску «Контора по найму» и вошла. Вдоль стены на стульях сидело много девушек. Несколько богато одетых дам расхаживали среди них и выбирали. Одна старая леди с белыми волосами и добрым лицом, вся в шуршащем черном шелку, поспешно подошла к Элси.

— Моя милая, — сказала она мягким, приятным голосом. — Вы ищете места? Мне так понравилось ваше лицо. Я ищу молоденькую женщину, которая была бы у меня и горничной, и компаньонкой. Вы будете жить в хороших условиях и получать тридцать долларов в месяц.

Прежде чем Элси успела пролепетать восторженное согласие, какая-то молодая женщина в золотых очках на костлявом носу и плотно застегнутом жакете схватила ее за рукав и увлекла в сторону.

— Меня зовут мисс Тиклбаум, — сказала она, — я работаю в Обществе Борьбы с Навязыванием Работы Девушкам, Ищущим Работы. На прошлой неделе мы удержали сорок семь девушек от поступления на место. Я здесь, чтобы защитить вас. Берегитесь всякого, кто предлагает вам работу. Откуда вы знаете, что эта женщина не собирается послать вас на работу в угольную шахту или убить вас, чтобы завладеть вашими зубами? Если вы согласитесь на какую бы то ни было работу без разрешения нашего Общества, вы будете арестованы нашим агентом.

— Но что же мне делать? — спросила Элси. — У меня

нет ни дома, ни денег. Надо же мне что-нибудь делать. Почему мне нельзя принять предложение этой доброй леди?

— Не знаю, — сказала мисс Тиклбаум. — Этим ведает наш Комитет по Ликвидации Работодателей. В мои обязанности входит только следить, чтобы вы не получили работы. Я запишу вашу фамилию и адрес, и вы каждый четверг будете являться к нашему секретарю. У нас уже записано шестьсот девушек, которым со временем разрешено будет поступить на работу, когда освободятся места по нашему списку Достойных Работодателей, насчитывающему сейчас двадцать семь имен. Можете в третье воскресенье каждого месяца приходить в нашу часовню помолиться богу, послушать музыку и выпить лимонада.

Элси поспешила прочь, поблагодарив мисс Тиклбаум за ее своевременное предостережение и совет. В конце концов, нужно было, по-видимому, разыскивать мистера Оттера.

Но, пройдя несколько кварталов, она увидела в окне кондитерской записку: «Требуется кассирша». Проворно шмыгнула она в магазин, бросив сначала быстрый взгляд через плечо, чтобы убедиться, что агент по борьбе с получением работы не следует за ней.

Владелец кондитерской был благожелательный старичок, пахнувший мятными конфетами. Подробно расспросив Элси, он решил, что она вполне ему подходит. Приступить к работе нужно было немедленно, и Элси, преисполненная благодарности, сняла свое коричневое пальто и уже собралась влезть на высокий табурет за кассой.

Но она еще не успела это сделать, когда перед ней выросла какая-то тощая дама в стальных очках и черных митенках, которая указала на нее длинным пальцем и воскликнула: «Остановись, несчастная».

Элси остановилась.

— Известно ли вам, — сказала черно-стальная дама, — что, согласившись принять это место, вы, возможно, сегодня же явитесь причиной того, что сотни людей скончаются в нестерпимых мучениях и сотни душ погибнут безвозвратно?

— Ох, нет, — сказала испуганная Элси. — Как же это может случиться?

— Ром, — сказала дама, — сатана в образе рома. Известно ли вам, почему погибает столько людей, когда в театре происходит пожар? Конфеты с ликером. В них притаился демон — ром. У наших женщин, когда они сидят в театре, наблюдается сильное опьянение оттого, что они едят эти конфеты, наполненные ликером. Когда демон огня налетает на них, они не способны бежать. Кондитерские — это винокуренные заводы дьявола. Способствуя распространению

этих коварных изделий, вы способствуете физической и духовной гибели ваших ближних и заполнению тюрем, приютов и богаделен. Подумайте, прежде чем прикоснуться к деньгам, на которые покупают конфеты с ликером.

— Ах, боже мой! — сказала Элси, совсем сбита с толку. — Я не знала, что в конфетах с ликером есть ром. Но надо же мне чем-нибудь жить. Что мне делать?

— Откажитесь от этого места, — сказала дама, — и пойдете со мной. Я скажу вам, что делать.

Сообщив владельцу кондитерской, что она передумала насчет места кассирши, Элси надела пальто и вышла вслед за тощей дамой на улицу, где ту поджидала элегантная коляска.

— Poiщите другой работы, — сказала черно-стальная дама, — и всемерно помогайте истреблять многоголовую гидру — ром. — И она села в коляску и уехала.

— Что ж, придется все-таки идти к мистеру Оттеру, — сказала Элси огорченно, пускаясь в путь. — А жаль, я бы гораздо охотнее обошлась без чужой помощи.

Не доходя до Четырнадцатой улицы, Элси увидела прикрепленное к дверям объявление, которое гласило: «Пятьдесят девушек, умеющих шить, срочно требуются в костюмерную театра. Плата хорошая».

Она уже собиралась войти, когда торжественного вида человек, весь в черном, положил ей руку на плечо.

— Моя милая, — сказал он, — умоляю вас, не входите в эту одевадьню дьявола.

— Ах, господи! — воскликнула Элси, теряя терпение. — Можно подумать, что дьявол завладел всем Нью-Йорком! Чем плохо это место?

— Здесь, — сказал торжественный человек, — изготавливаются регалии сатаны, другими словами — костюмы, которые носят на сцене. Сцена — путь к пороку и гибели. Неужели вы не пожалеете свою душу и захотите собственноручно поддержать это измышление дьявола? Знаете ли вы, моя милая, куда ведет театр? Знаете ли вы, куда отправляются актеры и актрисы, после того как опускается занавес над последним действием?

— Конечно, — сказала Элси. — В мюзик-холл. Но вы в самом деле полагаете, что будет грешно, если я заработаю немного денег шитьем? Мне, право же, пора подумать о работе.

— Дары несправедливые! — воскликнул преподобный джентльмен, воздевая руки. — Заклинаю вас, дитя мое, отвернитесь от этого приюта греха и разврата.

— Но как мне заработать себе на жизнь? — спросила Эл-

си. — Я совсем не горю желанием шить на оперетку, если это так ужасно, как вы говорите, но мне необходимо найти место.

— Господь наплатит, — сказал торжественный джентльмен. — Бесплатные уроки закона божьего даются по воскресеньям в подвальном этаже под табачным магазином рядом с церковью. Мир вам. Аминь. До свиданья.

Элси побрела дальше на восток по Бродвею, и вдруг сердце ее подскочило: она увидела вывеску «Фокс и Оттер», протянувшуюся через весь фасад высокого здания. словно невидимая рука привела ее сюда по извилистым путям, на которых она тщетно искала работы.

Она поспешно вошла в магазин и попросила мальчика передать мистеру Оттеру ее фамилию и письмо, которое он когда-то написал ее отцу. Ее сейчас же провели к нему в кабинет.

Когда она вошла, мистер Оттер поднялся ей навстречу и с приветливой улыбкой пожал ей руку. Это был уже немолодой, начинающий тучный мужчина, с лысиной, в золотых очках, вежливый, элегантный, сияющий.

— Так, так, вы, значит, маленькая дочка нашего Биэтти? Я всегда считал вашего отца одним из своих самых дельных и ценных служащих. Ничего не оставил? Так, так. Ну что же, мы не забыли его верную службу. Я не сомневаюсь, что у нас найдется место манекенщицы. О, работа легкая, легче не придумаешь.

Мистер Оттер позвонил. В дверь просунулась часть длинноносого клерка.

— Попросите сюда мисс Хокинс, — сказал мистер Оттер.

Мисс Хокинс явилась.

— Мисс Хокинс, — сказал мистер Оттер, — принесите мисс Биэтти для примерки наше манто из русского соболя и... постойте-ка... да, черную тюлевую шляпу, последнюю модель, с белыми перьями.

Элси стояла перед огромным зеркалом, порозовевшая, взволнованная. Ее глаза сияли, как далекие звезды. Она была красива. Увы, она была красива.

Ах, если бы я мог на этом закончить! И закончу, черт возьми. Нет, нужно довести рассказ до конца. Не я его придумал. Я только повторяю его.

Мне хотелось бы забросать цветами и мудрого полисмена, и леди, что Спасает Девушек от Работы, и антиалкоголистку, что пытается искоренить конфеты с ликером, и служителя церкви, что восстает против театральных костюмов, и тысячи добрых людей, оберегающих молодежь от ловушек большого города, и в заключение указать, что все они яви-

лись орудиями, с помощью которых Элси добралась до благодетеля своего отца, до своего доброго друга и спасителя. И получился бы отличный рассказ про Элси, совсем в прежнем духе. Мне хотелось бы на этом закончить, но кое-что еще нужно досказать.

Пока Элси любовалась на себя в зеркало, мистер Оттер вошел в телефонную будку и вызвал какой-то номер. Не спрашивайте меня, какой именно.

— Оскар, — сказал он, — оставьте мне на сегодня вечером тот же столик... Что? Да тот, в мавританской комнате, слева от зимнего сада... Да, на двоих... Да, моя обычная марка, а к жаркому рейнвейн восемьдесят пятого года. Если окажется теплым, я вам шею сверну... Нет, не с ней... Да нет же... Новая — пальчики оближешь, Оскар, пальчики оближешь.

Утомленный и утомительный читатель, я закончу, с вашего разрешения, парафразой на несколько строк, написанных, как вы, вероятно, помните, им, тем жителем Гэдсхилла¹, перед которым вы если сейчас же не снимете шляпу, то так и будете стоять со шляпой на тыкве, да, сэр, на тыкве.

Погибла, ваше превосходительство. Погибла, ассоциации и общества. Погибла, преподобные и неподобные всех мастей. Погибла, реформаторы и законодатели, рожденные с божественным состраданием в сердце, но с еще большим благоговением перед деньгами. И гибнут подобные ей вокруг нас каждый день.

Линии судьбы

Мы с Тобином как-то надумали прокатиться на Кони-Айленд. Промеж нас завелось четыре доллара, ну а Тобину требовалось развлечься. Кэти Махорнер, его милая из Слайго², как сквозь землю провалилась с того самого дня три месяца тому назад, когда укатила в Америку с двумя сотнями долларов собственных сбережений и еще с сотней, вырученной за продажу наследственных владений Тобина — отличного домишки в Бох Шоннаух и поросенка. И после того

---

¹ Диккенсом; описав в «Холодном доме» смерть бедняка Джо, Диккенс добавляет: «Умер, ваше величество. Умер, милорды и джентльмены. Умер, преподобные и неподобные всех мастей. Умер, мужчины и женщины, рожденные с божественным состраданием в сердце. И умирают подобные ему вокруг нас каждый день».

² Графство на северо-востоке Ирландии.

письма, в котором она написала Тобину, что едет к нему, от Кэти Махорнер не было ни слуху ни духу. Тобин и объявления в газеты давал, да без толку, не сыскали девчонку.

Ну и вот мы, я да Тобин, двинули на Кони — может, подумали мы, горки, колесо да еще запах жареных зерен кукурузы малость встряхнут его. Но Тобин — парень таковский, расшевелить его нелегко: тоска ввелась в его шкуру крепко. Он заскрежетал зубами, как только услышал писк воздушных шариков. Картину в иллюзионе ругательски изругал. И хоть пропустить стаканчик он ни разу не отказался, только предложи, — на Панча и Джуди он и не взглянул. А когда пошли эти, что норовят заснять вашу физию на брошке или медальоне, он полез было съездить им как следует.

Ну, я, значит, отвожу его подальше, веду по дощатой дорожке туда, где аттракционы малость потише. Около палатки, чуть побольше пятицентовика, Тобин делает стойку, и глаза у него смотрят вроде бы почти по-человечески.

— Здесь, — говорит он, — здесь я буду развлекаться. Пусть гадалка-чародейка из страны Нила исследует мою ладонь, пусть скажет мне, сбудется ли то, чему должно сбыться.

Тобин — парень из тех, кто верит в приметы и неземные явления в земной жизни. Он был напичкан всякими предсудительными убеждениями и суевериями, принимал на веру и черных кошек, и счастливые числа, и газетные предсказания погоды.

Ну, входим мы в этот волшебный курятник, все там устроено как полагается, по-таинственному: и красные занавески, и картинки — руки, на которых линии пересекаются, словно рельсы на узловой станции. Вывеска над входом показывает, что здесь орудует мадам Зозо, египетская хиромантка. Внутри палатки сидела толстуха в красном джемпере, расшитом какими-то закорючками и зверюшками. Тобин выдает ей десять центов и сует свою руку, которая приходится прямой родней копыту ломовой коняги.

Чародейка берет руку Тобина и смотрит, в чем дело — подкова, что ли, отлетела или камень в стрелке зашелся.

— Слушай, — говорит эта мадам Зозо, — твоя нога...

— Это не нога, — прерывает ее Тобин. — Может, она и не бог весть какой красы, но это не нога, это моя рука.

— Твоя нога, — продолжает мадам, — не всегда ступала по гладким дорожкам — так показывают линии судьбы на твоей ладони. И впереди тебя ждет еще много неудач. Холм Венеры — или это просто старая мозоль? — указывает, что твое сердце знало любовь. У тебя были большие неприятности из-за твоей милой.

— Это она намекает насчет Кэти Махорнер, — громко шепчет Тобин в мою сторону.

— Я вижу дальше, — говорит гадалка, — что у тебя много забот и неприятностей от той, которую ты не можешь забыть. Линии судьбы говорят, что в ее имени есть буква «К» и буква «М».

— Ого! — говорит мне Тобин. — Слышал?

— Берегись, — продолжает гадалка, — черного и блондинки, они втянут тебя в неприятности. Тебя скоро ожидает путешествие по воде и финансовые потери. И еще вижу линию, которая сулит тебе удачу. В твою жизнь войдет один человек, он принесет тебе счастье. Ты узнаешь его по носу: у него нос крючком.

— А его имя на ладони не написано? — спрашивает Тобин. — Неплохо бы знать, как величать этого крючконосого, когда он явится выдавать мне мое счастье.

— Его имя, — говорит гадалка этак задумчиво, — не написано на линиях судьбы, но видно, что оно длинное и в нем есть буква «О». Все, больше сказать нечего. До свиданья. Не загораживайте вход.

— Ну и ну, — говорит Тобин, когда мы шагаем к причалу. — Просто чудеса, как она все это точно знает.

Когда мы протискивались к выходу, какой-то негритос задел Тобина по уху своей сигарой. Вышла неприятность. Тобин начал молотить парня по шее, женщины подняли визг; ну, я не растерялся, успел оттащить своего дружка подальше, пока полиция не подросла. Тобин всегда в препаршивом настроении, когда развлекается.

А когда уже обратно ехали, буфетчик на пароходике стал зазывать: «Кому услужить? Кто пива желает?» — и Тобин признался, что да, он желает, желает сдуть пену с кружки их поганого пойла. И полез в карман, но обнаружил, что в толкотне кто-то выгреб у него все оставшиеся монеты. Буфетчик, за недостатком вещественных доказательств, отцепился от Тобина, и мы остались ни с чем, сидели и слушали, как итальяшки на палубе пиликают на скрипке. Получилось, что Тобин возвращался с Кони еще мрачнее и горести засели в нем еще крепче, чем до прогулки.

На скамейке у поручней сидела молодая женщина, разодетая так, чтобы кататься в красных автомобилях. И волосы у нее были цвета необкуренной пенковой трубки. Тобин, когда проходил мимо, ненароком зацепил ее малость по ноге, а после выпивки он с дамами всегда вежливый. Он и решил этак с форсом снять шляпу, когда извинялся, да сбил ее с головы, и ветер унес ее за борт.

Тобин вернулся, опять сел на свое место, и я начал при-